

Третья попытка

Основная мысль статьи Андрея Зубова заключается, если я его правильно понял, в том, что, поскольку ни при царе, ни при советской власти федерализма в России не было, федерализм нам несвойствен и чужд нашей государственной традиции. Однако советская власть создала псевдофедерализм, федералистскую фикцию, которую в годы перестройки попытались наполнить реальным содержанием, что погубило СССР, привело к чеченской войне и в дальнейшем может привести к самым тяжким последствиям. России нужен не федерализм, а сильная центральная власть в сочетании с местным и городским самоуправлением и ограниченной культурной автономией для национальностей. (Автору, несомненно, нравится монархия, но, как он пишет, «разговор о монархии — особый, и его лучше отложить для другого раза».) В конце концов мы обязательно к такой власти придем, но будет лучше, если бы мы пришли к ней сознательно, а не в результате мучительного преодоления федералистского «смутного времени». Я надеюсь, что правильно передал основные мысли А. Зубова, близкие, между прочим, к программным положениям ЛДПР. На эту близость я указываю совсем не для того, чтобы уязвить оппонента: если Жириновский — шут, то это не значит, что все, что он говорит, надо отвергать с порога. Просто мысли эти не такие уж новые. Главное, однако, не в авторстве и не в новизне, а в том, что мысли эти, по-моему, неверны, а аргументация автора — странная и нелогичная.

Прежде всего, мне кажется неверной основная «методологическая установка» автора — что надо пытаться вывести из нашей истории то, что свойственно, и следовать этому, чтобы оставаться самими собой. («Как и любому другому обществу, нам суждено остаться только нами, и ничем иным. И потому наш собственный опыт бесценен для нас».) То, что наш опыт для нас ценен, — очевидно, но очевидно и то, что, если бы люди руководствовались только опытом, они бы вообще не были людьми, не было бы истории, ибо история — это постоянное появление нового, небывалого, это история творчества. До 988 года русским не было свойственно христианство, до возвышения Москвы — самодержавие, до 1917 года — коммунизм, и т. д. и т. п. Из того, что чего-то не было, абсолютно не следует, что этого и дальше не будет. Поэтому наш опыт — ценен, но не бесценен, ценно и умение им не руководствоваться, не позволять ему тяготеть над нами и подсказывать нам привычные решения, которые в новой ситуации могут оказаться совершенно несостоятельными.

Мне кажется, не надо ни стремиться к тому, чтобы оставаться самими собой (самими собой мы останемся в любом случае), ни стремиться перестать быть самими собой, а просто стремиться к тому, что мы считаем правильным и хорошим, в том числе и к тому, чего мы еще никогда не испытывали. Поэтому «федералистов» совершенно не должно смущать то, что федерализма в России не было.

Действительно, федерализма не было ни в СССР, ни в царской России. Но царская Россия, как известно, кончила очень плохо, и если она и может послужить здесь примером, то это как раз пример пагубных последствий отсутствия федерализма — «вот унитаризма достойные плоды». Вообще опыт царской России наглядно показывает, чего нам надо избегать, чтобы, не дай Бог, не повторить ее страшного конца, и всякое противопоставление дореволюционных «серьезных» политиков «несерьезным» социалистам становится абсурдным, если мы вспомним, к чему пришли эти серьезные политики и к чему они привели свою страну.

Теперь что касается опыта СССР и существовавшего в нем федералистского фасада, федералистской фикции, которая оказалась настолько опасной и губительной, что в конце концов СССР разрушила. Прежде всего: если гибель СССР связана с федералистской фикцией, то с чем тогда связана гибель царской России, в которой такой фикции не было? Я думаю, что федералистская фикция большевиков, которая, между прочим, вначале отнюдь не воспринималась как фикция и полностью фикцией не была, как раз помогла им частично восстановить уже разрушенное «имперское пространство», ибо нерусские народы боялись белых с их «единой и неделимой Россией» значительно больше, чем большевиков с их интернационализмом, обещавших им независимые государства (правда, социалистические и в союзе с Россией). В годы гражданской войны «федерализм» большевиков спас Российскую империю, воссоздав ее в новой форме. Этот федерализм действительно оказался фиктивным, ибо противоречил единой догматической идеологии и единой партии, и когда эта идеология умерла, СССР распался на свои федеральные составляющие. Но что же он, от федералистской фикции распался? Как вообще можно погибнуть от фикции? Куда логичнее было бы утверждать, что как царская Россия погибла потому, что не была федеративным государством, так и СССР погиб потому, что его федерализм был лишь фикцией. Я далек от того, чтобы разделять такие примитивные суждения, но, во всяком случае, это было бы значительно оправданнее, чем приводить для доказательства страшных последствий федерализма примеры двух погибших в мучениях унитарных образований. Между прочим, СССР умер значительно «лучше», без таких катастрофических последствий, к каким привела гибель царской России, и это несомненно связано и с тем, что как на раннем, так и на позднем, предсмертном этапе своей эволюции он был не таким уж унитарным государством, его федерализм не был абсолютной фикцией.

Таким образом, примеры А. Зубова не только не доказывают того, что он хочет доказать, но скорее доказывают прямо противоположное — слабость, хрупкость унитарных, централистских образований в России. Нормальная человеческая логика должна подсказывать: если два раза подряд унитарные государства ни к чему хорошему не приводили, может, в третий раз не стоит и пытаться? Разумеется, если для человека унитаризм — высшая ценность, он должен идти вперед, несмотря на все неудачи. Но и в этом случае он должен крепко подумать — действительно ли это такая ценность, стоит ли во имя ее идти на риск, и если он решит, что стоит, то ему надо очень тщательно продумать, как избежать третьего провала, о вероятности которого как раз говорит его «бесценный опыт».

Пока мы говорили о прошлом — о Российской империи и СССР. Теперь поговорим о настоящем и будущем. Сейчас идет (или «полуидет») война в Чечне — способствовал ли федерализм ее возникновению и не прелюдия ли она к распаду России?

Мне думается, что федерализм никак чеченской войне не способствовал. Наоборот, если есть какая-нибудь возможность успокоить чеченцев, сохранив их в составе России, то такую возможность дает только федерализм, только какой-нибудь договор с Чеченской республикой об ассоциированном членстве в Российской Федерации, разграничении полномочий и т. д. Но не приведет ли признание особого статуса Чечни к тому, что такого статуса потребуют потом Тверь, Новгород и Псков, а Москва вернется в пределы Московского княжества?

Мне кажется, что мы должны четко различать федерализм русских областей и федерализм национальных образований в составе России. Для нерусских народов федерализм — это компромисс между вхождением в Россию и стремлением к независимости (как в свое время таким компромиссом был бы новый союзный договор, к которому стремился

Горбачев). Этот компромисс может быть очень устойчивым и долговременным, а может быть временным, остановкой на полпути к независимости, но это — именно компромисс. Между тем ни Новгород, ни Псков, ни Тверь ни к какой независимости не стремятся, для них федерализм — это просто форма государственного устройства России.

Как совершенно правильно пишет А. Зубов, демократия вовсе не обязательно связана с федерализмом, могут быть самые разные формы государственного демократического устройства. Как и мой оппонент, я не буду говорить о конституционной монархии, которая вообще-то вполне нормальная форма государственного устройства. К сожалению, возрождение монархии в России в форме венчания на царство бывшего первого секретаря свердловского обкома партии или какого-нибудь подобранного для этой цели Романова, окруженного министрами — секретарями обкомов и райкомов, — перспектива, способная вызвать у нормального человека только «эстетический ужас», и шансов на претворение этой клоунады в реальность, слава Богу, нет. Поэтому, если мы остаемся в рамках демократии, мы должны выбирать между республикой унитарной и республикой федеративной.

Я совсем не какой-то принципиальный «федералист» и отлично понимаю, что могут быть очень хорошие, устойчивые унитарные демократические республики. Но мне думается, что в России такой республики не создать по двум причинам. Во-первых, уж очень она велика, ее деление на крупные составляющие — области и края — естественно. Во-вторых, у нас нет развитой, пронизывающей все общество системы ответственных политических партий и организаций (и вряд ли она скоро будет) и вообще нет развитого гражданского общества. Президентская власть у нас может, как это она показала в октябре 1993 года, легко смести центральный парламент и Конституционный суд, и реальное разделение властей у нас — это только федеральное разделение властей, реальная сила, способная противостоять президентской власти, — это местные власти, местные элиты и местные интересы. Унитарная республика, может быть, очень хороша для Эстонии или Чехии, у нас же она будет иметь сильную тенденцию к авторитарному перерождению.

Но, может быть, ничего страшного здесь нет? Может быть, для нас действительно был бы хорош какой-то «полуавторитарный» строй, во всяком случае, пока мы не созрели для настоящей демократии? Я думаю, что главная беда нашего теперешнего «полуавторитарного» строя — не в авторитаризме самом по себе, а в противоречии между авторитарными привычками и власти и народа, легкости у нас отдельных «авторитарных жестов» и полной неспособности такой власти установить сколь-либо эффективный контроль над обществом. Наш президент действительно правит, как самодержец и генсек. Но в том-то и дело, что он — никакой не царь и не генсек, у него нет ни традиционалистской легитимации его власти, ни «приводных ремней» — идеологии, партии, честного чиновничества, даже достаточной опоры в силовых структурах. И взяться этим «приводным ремням» неоткуда. Я даже не буду говорить о том, что наши авторитарные привычки могут быть просто плохими привычками, от которых надо избавляться, — достаточно сказать, что они не соответствуют нашей же реальности и, как привычки какого-нибудь старика, который пытается вести себя, как молодой человек, приводят лишь к ненужной жестокости и конфузу.

Октябрь 1993 года и Чечня — примеры именно таких кровавых, но бессильных авторитарных поползновений. Жестокости — много, а толку — мало. Такой авторитаризм — не источник пусть временного и не демократического, но порядка, а источник беспорядка и хаоса. О временном «настоящем» авторитарном правлении еще можно спорить, но теперешний «импотентный» авторитаризм плох однозначно.

Таким образом, сильная президентская власть у нас — это отнюдь не спокойствие и порядок. Но реальное ограничение этой власти возможно у нас, я думаю, лишь со стороны местных властей и их коллективного органа. Конечно, и местные власти могут иметь авторитарные поползновения, и они могут быть источником анархии и хаоса. Но в том-то и суть разделения властей, что поползновения одних наталкиваются на поползновения других. Если бы не Москва, не Ельцин, какие-нибудь Наздратенко и Илюмжинов устроили бы у себя сумасшедшие дома. Но если бы не «субъекты федерации», то, возможно, такой сумасшедший дом, причем в масштабах всей страны, уже давно устроила бы центральная власть.

Мы приходим к выводу, прямо противоположному выводу А. Зубова. В демократической России нормально и, может быть, даже неизбежно существование представительных органов краев и областей и представительства этих краев и областей в верхней палате центрального парламента. В ней нормален постоянный конфликт центра и «субъектов Федерации» — в этом конфликте гарантия от авторитарного перерождения как центральной власти, так и местных властей. Только конфликт этот надо ввести в устойчивые законные рамки, федерацию надо сделать упорядоченной — в том, что теперешнее положение неустойчиво и хаотично, я вполне с А. Зубовым согласен.

Вполне возможно, что я не прав, что я чего-то не вижу и не понимаю. Но рассуждения А. Зубова — это не рассуждения человека, который что-то упустил, чего-то не понял. Его статья — идеологическая статья, в которой мысль подчинена чувству и его, это чувство, обслуживает. А. Зубову очень нравится время российской полуконституционной монархии. Время это действительно было не такое плохое — лучше, чем предшествующее самодержавно-крепостническое и последующее советское. Но это — «золотая осень» старой России, последние хорошие деньки перед смертью. И только очень сильная любовь способна сделать из этого недолгого периода прошлого модель устойчивого состояния России на будущее.